параграф шестой главы «Неконвенциональные формы», в которой речь ведется о несводимости наблюдаемых феноменов к уже накопленному наукой знанию (здесь Ло протестует против принципа объяснения через редукцию к известному. См., например, подпараграф «Ослепление и упрощение»). А мифологическому нарративу австралоидов, исправно служащему системой сакральных координат местным племенам на протяжении жизни сотен поколений аборигенов, уделена основная часть седьмой главы «Воображение и нарратив». На наш взгляд, именно материал этих двух глав (главы 6 и 7) должен заинтересовать культурологов, социальных антропологов и религиоведов в первую очередь.

Думается, книга британского методолога не только найдет в России своего благодарного и вдумчивого читателя, но позволит обогатить арсенал гносеологических средств акторно-сетевой теории и расширит панораму альтернативных эпистемологий, основа чему была заложена еще работами, например, Пола Фейерабенда[36].

И. Давыдов

36. См. на рус. языке: *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания / Перев. с англ. и немец. А.Л. Никифорова под общ. ред. И.С. Нарского. Благовещенск: БГК имени И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.

Талиаферро Ч. Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней / Пер. с англ. С.С. Пименова, Т.В. Малевич; науч. ред. А.Р. Фокин / Ин-т философии РАН. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. — 576 с.

Чарльз Талиаферро — крупный специалист по философской теологии и философии религии, опубликовавший более двадцати монографий и сотни статей[1]. Рецензируемая книга вышла в серии «Философская теология. Современность и ретроспектива». По формату «Доказательство и вера» представляет собой нечто среднее между учебным пособием или введением в философию религии и исследовательской монографией,

1. Основные публикации и исследовательские интересы Ч. Талиаферро перечислены в статье *Т.В. Малевич* Предисловие к русскому изданию // *Талиаферро Ч.* Доказательство и вера: философия и религия с XVII века до наших дней. М., 2014. С. 11–15.

в которой осуществляется критический анализ основных аргументов и концепций крупнейших мыслителей. На русском языке не так много подобных работ, и отечественному читателю эта книга будет, безусловно, интересна.

Талиаферро структурирует свое повествование вокруг определенных смысловых линий, которые обеспечивают концептуальное единство книги. Прежде всего, это доказательства бытия Бога. Большая часть представленных в монографии философов предлагает свою интерпретацию традиционных доказательств, таких как от движения, от производящей причины, от степеней совершенства, от целесообразности, но разбирается также и их критика со стороны Канта, натурализма, прагматизма и др. Другой сквозной темой является соотношение веры и разума, диалог религиозного и секулярного мировоззрений. Не обходит Талиаферро стороной и моральную проблематику, при этом в первую очередь анализу подвергается совместимость всеблагого всемогущего Бога и наличия зла в мире, также затрагиваются соотношение религии и пола, религии и любви, дружбы.

Книга достаточно большая по объему — около 550 страниц. Она состоит из девяти глав, каждая из которых имеет в среднем примерно 10 подразделов. Такое структурирование материала, несомненно, облегчает его восприятие читателем. Первая глава посвящена кембриджским платоникам, вторая — Декарту, третья — Локку, Лейбницу и Спинозе, четвертая — Юму, пятая — Канту, шестая — философии религии XIX — первой половины XX вв. (рассматриваются послегегелевский идеализм, натурализм и прагматизм и др.); в седьмой главе дается беглый обзор идей примерно двух десятков философов XX веков (от Хайдеггера до Дерриды), в восьмой главе предпринимается опять же обзорное рассмотрение, но материал структурирован не по персоналиям, а по школам (это современный позитивизм, последователи Витгенштейна, плюралистическая философия религии и т.д.); наконец, в девятой главе поднимается ряд проблем социологического и этического характера (например, современная академическая среда, философия религии в общественной жизни). В качестве особенности авторского метода изложения материала отметим использование Талиаферро временами весьма обширных, до полутора страниц, цитат, что делается, вероятно, с целью дать почувствовать читателю оригинальность стиля того или иного философа.

Отметим достоинства монографии, определяющие ее актуальность. Во-первых, в книге дается анализ многих направлений и философских школ, малоизвестных русскоязычному читателю. В частности, в первой главе рассматривается кембриджский платонизм XVII века[2] и его основные представители — Р. Кедворт, Г. Мор, Б. Вичкот. По своим базовым методологическим установкам кембриджские платоники ближе эпохе Возрождения, чем Новому времени. Они считали, что человек, как и природа, является творением всеблагого, всемогущего Бога. Философия и разум, вооруженный доказательствами, не отдаляют от Абсолюта, а приближают к нему. К познанию Бога ведет не только мудрость, но и добродетельная жизнь, нравственное совершенствование и эмоциональная открытость истине. Интересной и глубокой является идея «пластичной природы», расположенной между Богом и материальным миром. Пластичная природа выступает как проводник воли Бога. Она относительно автономна, и ее наличие позволяет избежать, с одной стороны, представления о мире как о бездушном механизме, а с другой — ситуации, при которой Бог непосредственно управляет жизнью каждого насекомого. От себя добавим, что идея пластичной природы созвучна представлениям о мировой душе или Софии, характерным для русской философии. При этом с точки зрения современной науки (в частности, синергетики) природа пластична, то есть она обладает способностью к самоорганизации, самодостраиванию. Изменения в так называемой неживой природе происходят не только под влиянием механического воздействия извне, но и в силу внутренней причинной обусловленности (например, так происходит распад атомов радиоактивного вещества). Идея пластичной природы также может послужить одним из оснований экологической этики.

Кроме кембриджских платоников в монографии представлены малоизвестные русскоязычному читателю ранняя американская философия религии, феминистская философия религии, некоторые современные скептики и атеисты и др.

Во-вторых, достоинством книги является то, что Талиаферро предлагает читателю не просто отстраненное изложение концепций различных мыслителей, но именно критическое исследование основных аргументов и стратегий философского поиска. Выдвигается справедливый тезис о том, что реализм относительно категорий и нравствен-

2. Ч. Талиаферро был соредактором издания работ кембриджских платоников: *Cambridge Platonist Spirituality* (2005). Mahwah, N.J.: Paulist Press.

ных ценностей выступает в качестве союзника философской теологии. Соответственно, иные, антиреалистические, ходы мысли ведут к агностицизму, скептицизму или к тому, что теория становится самопротиворечивой.

Талиаферро детально разбирает идеи Канта. Немецкий философ полагал, что нам недоступно познание вещей самих по себе и мы постигаем лишь явления. При этом знание о явлениях достоверно и неопровержимо, однако почему оно должно быть таковым? Кант стремится опереться на инвариантные структуры субъективности, но человеческое сознание, в отличие от божественного, изменчиво и исторично. Значит, исследуя только явления и субъекта, пусть и трансцендентального, невозможно претендовать на всеобщность и универсальность своих выводов. Широко известны и до сих пор активно обсуждаются антиномии Канта. Первая антиномия включает в себя тезис «мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве» и антитезис «мир не имеет начала во времени и границ в пространстве, он бесконечен». Кант полагает, что мир сам по себе не является ни конечным, ни бесконечным, то есть нужно отвергнуть как тезис, так и антитезис. Человеку доступен только феноменальный мир, оформленный нашими собственными познавательными способностями. Талиаферро отмечает следующую проблему: «Если Кант прав в том, что размышления о самом мире приводят к противоречащим выводам, не возникает ли то же самое противоречие и в мире представлений?» (с. 315, 316). Например, невозможно представить себе квадратный круг. Далее, возникает вопрос о том, не является ли противоречивое, логически невозможное представление о квадратном круге таковым не только в мире явлений, но и в мире самом по себе? У нас нет возможности разграничить вещи сами по себе и явления. Достоверные и общезначимые утверждения о явлениях будут таковыми, если касаются не только их, но и мира самого по себе. Талиаферро пишет: «Если кто-то утверждает, что “есть только концептуальные каркасы”, не претендует ли этот человек на то, что данное утверждение является истинным и не просто касается концептуальных каркасов, а что концептуальные каркасы на самом деле существуют?» (с. 316).

Проблема, затронутая Кантом в первой антиномии, чрезвычайно сложна. Если обращаться к вопросу о конечности мира, то не обойтись без принципов диалектики, а также данных современной космологии. Справедливы следующие утверждения. Вселенная имеет начало

во времени и ограничена в пространстве, но гибнущих и возникающих вселенных бесчисленное множество. Невозможно найти начало всей совокупности бесконечного множества вселенных. Каждая локальная вселенная возникла из глобальной, или сверхвселенной, которая пребывает вне ограничений времени и пространства, не имеет начала, но сама является началом всего существующего.

Содержательны и интересны размышления Талиаферро о Декарте, Гоббсе, Ницше и других мыслителях. При прочтении книги находишь дополнительные аргументы в пользу тезиса о том, что философия религии составляет ядро метафизических исследований. Понятие Бога неразрывно связано с представлением о реальности и бытии человека и мира. Действительно, практически все крупнейшие мыслители либо разрабатывали тот или иной вариант философской теологии, либо выступали в качестве ее критиков.

В-третьих, справедливыми и важными представляются некоторые методологические принципы, которым стремится следовать в своей книге Талиаферро. Один из разделов монографии называется «Философия религии и дружба», и в нем утверждается, что необходимо признавать заслуги оппонентов, жизнеспособность и актуальность их исследовательских программ — конечно, при условии, что точка зрения «противоположной стороны» удовлетворяет требованиям ясности и последовательности изложения, полноты, историко-философской и научной грамотности.

С этим связана необходимость обращения к нетеистическим и восточным религиям. Например, при исследовании проблемы зла может рассматриваться критика Буддой концепции всемогущего и всеблагого Творца мира. Талиаферро анализирует плюралистическую философию религии, в частности, идею Джона Хика о ноуменальной священной реальности, к которой отсылают и ведут многие из великих религий мира. О самом Хике он пишет следующее: «Хик стал ведущей, общепризнанной силой в развитии философии религии в конце XX в.» (с. 511). Открытость и способность допустить иную точку зрения важны, когда речь идет о базовых вопросах человеческого существования: о смерти и посмертном существовании души. Несколько десятилетий назад идея о том, что душа переживает смерть тела, в академической среде рассматривалась как имеющая в лучшем случае лишь психологическое значение. При этом игнорировались свидетельства мировых религий, данные наблюдений из медицины и парапсихологии. Нельзя ска-

зать, что сейчас ситуация кардинально изменилась, но по крайней мере загробная жизнь рассматривается как допустимая альтернатива материализму.

В-четвертых, хотя в книге не так много биографических подробностей, ряд приведенных в ней фактов из жизни философов представляют большой интерес, поскольку философия складывается не только из теоретических изысканий, но и из жизненного опыта и миросозерцания конкретного человека. Например, впечатляет описание Юмом последних дней своей жизни: «Я жду скорой кончины. Я очень мало страдал от своей болезни, и, что еще любопытнее, несмотря на сильное истощение организма, мое душевное равновесие ни на минуту не покидало меня, так что если бы мне надо было назвать какую-нибудь пору моей жизни, которую я хотел бы пережить снова, то я указал бы на последнюю... Трудно быть менее привязанным к жизни, чем я теперь»[3] (с. 219, 220). Один из современников, навестивших Юма перед смертью, был сильно удивлен тем, что философ в последние дни своей жизни не переменил своих скептических, отрицающих существование рая и ада, взглядов. Талиаферро также пишет о том, что позитивист и критик религии Альфред Айер в конце своей жизни «к своему ужасу» (с. 467) пережил нечто вроде околосмертного опыта, и одна из его последних статей имеет говорящее название: «Что я видел, когда был мертв». Остался бы Юм столь же непреклонен в своем скептицизме, переживи он подобный опыт?

Отметим и недостатки монографии Талиаферро, в частности, схематичный, упрощенный подход к ряду философов. В книге рассматривается множество различных мыслителей, и если творчество некоторых из них (например, Канта, Декарта, Юма) анализируется достаточно подробно, то другие едва упоминаются, причем в последнем случае речь идет о философах первой величины. Так, К. Маркс разбирается в контексте философии Фейербаха, причем Талиаферро ограничивается следующим утверждением: «Общая Марксова концепция человеческого развития, исторический материализм, пытается объяснить возникновение религии и вообще социальных институтов с экономической точки зрения» (с. 354, 355). Нераскрытой остается оригинальная идея Маркса о том, что в результате изменения экономики, или базиса, коренным образом трансформируется и надстройка, мышление.

3. *Юм Д.* Моя жизнь // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 50.